

Генеральная Ассамблея

Distr.
GENERAL

A/39/456/Add.2
1 October 1984
RUSSIAN
ORIGINAL: ENGLISH

Тридцать девятая сессия
Пункт 128 повестки дня

РАССМОТРЕНИЕ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕР ПО УСИЛЕНИЮ ЗАЩИТЫ,
БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И КОНСУЛЬСКИХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Доклад Генерального секретаря

Добавление

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

СООБЩЕНИЯ И МНЕНИЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ ГОСУДАРСТВ

Сообщения, полученные от государств в соответствии
с пунктом 8 резолюции 38/136 Генеральной Ассамблеи.... 2

СООБЩЕНИЯ И МНЕНИЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ ОТ ГОСУДАРСТВ

Сообщения, полученные от государств в соответствии с
пунктом 8 резолюции 38/136 Генеральной Ассамблеи

Вербальная нота Представительства Постоянного наблюдателя
Корейской Народно-Демократической Республики при Организации
Объединенных Наций на имя Генерального секретаря*

Подлинный текст на английском языке

1 октября 1984 года

Представительство Постоянного наблюдателя Корейской Народно-Демократической Республики при Организации Объединенных Наций в соответствии с пунктом 8 резолюции 38/136 Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1983 года имеет честь препроводить "Меморандум министерства иностранных дел Корейской Народно-Демократической Республики" от 12 декабря 1983 года, воспроизводимый ниже.

Меморандум министерства иностранных дел Корейской Народно-
Демократической Республики от 12 декабря 1983 года

С 22 ноября по 9 декабря бирманские власти инсценировали "процесс" над "подозреваемыми" по делу о взрыве в Рангуне, который произошел 9 октября.

"Процесс" состоялся в офицерском клубе трех родов сухопутных войск на окраине Рангуна под строгой охраной, в условиях окружения этого клуба двойным и тройным кольцом крупного контингента войск и при воздушном патрулировании этого здания бирманскими истребителями.

Согласно одному из сообщений, на этом "процессе" полицейские власти Бирмы сначала зачитали "акт обвинения", предъявленного "подозреваемым", и их "заявления", а за этим последовал опрос "свидетелей обвинения".

Согласно сообщениям, на "суде" присутствовали дипломаты ряда стран, аккредитованные в Рангуне, а также местные и иностранные корреспонденты.

Бирманские власти попытались придать этому "процессу" видимость законного разбирательства. Однако с самого начала было ясно, что этот акт носит односторонний и несправедливый характер.

---

* Распространяется среди всех государств вербальной нотой Генерального секретаря.

/...

Сценарий процесса был разработан заранее, и вопросы и ответы строились на основе предварительно подготовленных текстом.

В ходе всего этого "процесса" ни с точки зрения права, ни фактически так и не удалось доказать, что "обвиняемые" были "агентами", направленными в Рангун нашей Республикой, как того желали бирманские власти.

"Процесс" оказался бурлеском, окруженным неясностью и загадками, окутанным туманом и полным непоследовательности.

Давайте на основе имеющихся объективных фактов рассмотрим, что же осталось в тени этого сомнительного процесса по делу о взрыве в Рангуне.

1. "Процесс", полный неясностей и противоречий

При организации "процесса" по делу о взрыве в Рангуне, инсценированного бирманскими властями, с самого начала был оставлен без внимания целый ряд неясных моментов.

Первый из них касается возможной степени объективности и подлинности "обвинительного акта" и "протокола заявлений", опубликованных бирманскими властями.

Бирманские власти проводили это расследование в целях установления фактических обстоятельств дела о взрыве в Рангуне совместно с южнокорейскими марионетками.

В этой связи мы можем процитировать следующие сообщения:

"Не успел еще 9 октября произойти этот инцидент, как власти поспешно направили в Бирму специальную группу по проведению расследования, возглавляемую министром спорта". (Южнокорейское "Радио № 1", 9 октября 1983 года)

"После прибытия в Бирму 10 октября министр спорта потребовала от правительства Бирмы через своего министра иностранных дел провести совместное расследование группами по расследованию двух стран в целях установления фактических обстоятельств дела о террористическом взрыве в Бирме". (Южнокорейское "Радио мунхва", 11 октября 1983 года)

/...

"Группа по расследованию провела консультацию с руководителями компетентных органов Бирмы, в том числе с начальником разведывательного управления армии Бирмы, в здании национального мавзолея Аун Сана, в результате была достигнута договоренность относительно создания совместного штаба расследования двух стран в целях проведения оперативного и точного расследования", и "бирманская сторона обещала оказывать активное содействие в проведении расследования". (Южнокорейское "Ради мунхва", 11 октября 1983 года)

По прибытии из Бирмы 13 октября министр спорта марионеточного режима сказала на пресс-конференции, состоявшейся в аэропорту Кимпхо, что "при расследовании дела о террористическом взрыве бомбы, совершенном в Бирме, правительство Бирмы тесно и активно сотрудничает с нашей технической группой в целях установления фактических обстоятельств дела", и заявила, что "при установлении фактов, связанных с этим инцидентом, оно осуществляет широкое и тесное сотрудничество не только в расследовании этого дела, но и по многим другим аспектам". (Южнокорейское "Ради мунхва", 14 октября 1983 года)

Соединенные Штаты также, прикрываясь стремлением оказать "техническую помощь расследованию в Рангуне", послали на место инцидента "специальную группу" с особыми полномочиями, состоящую из сотрудников государственного департамента Соединенных Штатов, причем ее ядром были агенты ЦРУ Соединенных Штатов. (Южнокорейское "Радио № 1", 10 октября 1983 года)

Миру известно о том, что не успел еще произойти взрыв бомбы в Рангуне, а южнокорейские марионетки уже поспешили разрекламировать его как "работу Северной Кореи" без каких бы то ни было оснований для этого и раздули безумный скандал, пытаясь возложить ответственность за него на нас, а их американские хозяева усиленно поощряли их на это.

Как только бирманские власти начали проводить с ними "совместное расследование", стало совершенно ясно, что результаты этого расследования будут сфальсифицированы.

Во-вторых, возникает вопрос о том, на каком основании бирманские власти пришли к выводу, что "подозреваемые" были "террористами, засланными Корейской Народно-Демократической Республикой".

Было сообщено, что состояние "подозреваемых" было таковым, что их нельзя было подвергать процедуре допроса или предавать суду.

Согласно японской газете "Асахи" оба "подозреваемых", по всей вероятности, двигались с трудом лишь за несколько дней до "процесса". Один из них едва мог говорить, а другой лежал с рваной раной живота в ожидании медицинской помощи. Был отмечен симптом ухудшения здоровья в результате вторичной инфекции". (Японская газета "Асахи", 9 ноября 1983 года)

/...

Когда "подозреваемые" были доставлены в "суд", у одного из них "не было левой руки", а другой "выглядел ужасно, у него не было правой руки, он был слеп и двигался с трудом". (Южнокорейское "Радио № 1", 23 ноября 1983 года)

Очевидцы этих "процессов" в один голос утверждают, что он был весьма сомнительным, если "подозреваемые" вообще четко представляли себе, что с ними происходит.

Странно, почему бирманские власти столь поспешно доставили "подозреваемых" в "суд" и организовали "процесс", если они находились в таком плачевном состоянии. Это не поддается абсолютно никакому объяснению с точки зрения здравого смысла.

В ходе "процесса" было установлено, что один из двух "подозреваемых", представленных бирманскими властями, не сделал никакого "признания".

В связи с этим одно из иностранных информационных агентств сообщило:

"Судебные источники заявили 28 ноября, что руководитель диверсионной группы, привлеченный к суду за совершение террористического взрыва бомбы, не сделал никакого признания после полутора месяцев пребывания под стражей в Бирме". (АП, Рангун, 28 ноября 1983 года)

Согласно одному из сообщений, этот "подозреваемый" "отказался признать свою вину", даже на последнем "слушании дела". (Японское радио NHK, 7 декабря 1983 года)

Можно также задаться вопросом, каким образом удалось сфабриковать слова "подозреваемого", который якобы "признался", что он прибыл "из Северной Кореи".

25 октября во время его допроса в больнице, который проводился специальным посланником марионеточного южнокорейского правительства в Бирме в присутствии послов третьих стран и соответствующих должностных лиц правительства Бирмы, этот "подозреваемый" заявил, что он прибыл "из Сеула, Южная Корея".

Разочаровавшись после такого заявления, южнокорейские марионетки заявили, что "преступники говорят чепуху", находясь в состоянии "психического расстройства", и "то, что он сказал, неправдоподобно". (Южнокорейское "Радио № 1", 25 октября 1983 года)

/...

Они указали, что "подозреваемый" повторял бездоказательное заявление, нес околесницу в ходе расследования до 30 октября". (Южнокорейское "Радио № 1", 30 октября 1983 года)

Было официально сообщено, что 3 ноября, через несколько дней после этого, "подозреваемый", который находился в состоянии "психического расстройства", "признался", что он является "агентом", засланным нашей Республикой.

Нам, конечно же, неизвестно, к какому методу фабрикации прибегли в ходе расследования по отношению к этому "подозреваемому", человеку, который, согласно сообщениям, находился в состоянии "психического расстройства" и был тяжело ранен.

Однако более всего удивительно и странно то, что на следующий день после его "признания" бирманские власти провели "чрезвычайное заседание кабинета", как будто они ожидали этого, и поспешно предприняли меры по свертыванию дипломатических отношений с нашей Республикой, а также приказали нашему посольству покинуть Бирму, не заботясь о том, чтобы обеспечить научное подтверждение истинности этого признания.

Почему бирманские власти не признали неоднократно повторенного и упорного заявления "подозреваемого" относительно того, что он "прибыл из Сеула, Южная Корея", а продолжали принудительный допрос, и почему они столь поспешно пошли на крайний шаг против нашей Республики, как только они вырвали у него признание о том, что он "прибыл из Северной Кореи"?

Следует отметить тот факт, что согласно общему мнению в любой стране "признание подозреваемого" само по себе без вещественных доказательств не может служить основанием для установления чьей-либо вины.

Весь ход этого "процесса" ярко показал, что нет никаких оснований для подтверждения заявления бирманской стороны относительно того, что "подозреваемые" были "агентами", засланными нашей Республикой.

Поэтому даже юристы, участвовавшие в "суде" с бирманской стороны, не без оснований заявили, что "дело следует прекратить, поскольку оно было построено полностью на основе признания "подозреваемого" и "в нем отсутствуют вещественные доказательства".

В-третьих, подозрительным является и то, что "обвинительный акт", "протокол заявлений подозреваемых" и "показания свидетелей", опубликованные бирманскими властями страдают непоследовательностью и полны противоречий.

/...

Согласно так называемому "протоколу заявлений", опубликованному бирманскими властями на второй день "процесса", "подозреваемые" "сели на борт северокорейского судна в Онджине на западном побережье Северной Кореи 9 сентября и прибыли в Рангун 22 или 23 сентября". (Ап, Рангун, 23 ноября 1983 года)

Однако на третий день "процесса", 24 ноября, "директор "Burma State Harbour Corporation", который давал показания в подтверждение "заявления" бирманских властей, сказал, что "трое подозреваемых проникли в рангунский порт под видом членов экипажа судна "Тонгон", которое прибыло из порта Нампхо", и что "судно "Тонгон" вошло в бухту № 6 Соледечи рангунского порта в 16 ч. 00 м. 17 сентября и приступило к разгрузке 18 сентября". (Южнокорейское "Радио № 1", 24 ноября 1983 года)

В "протоколе заявлений" говорится, что "подозреваемые" покинули Онджин на борту неустановленного "северокорейского судна" и "прибыли в Рангун 22 или 23 сентября", а в "показаниях свидетелей" бирманской стороны содержится указание на то, что данным судном было судно "Тонгон", которое покинуло порт Нампхо и прибыло в рангунский порт "17 сентября". Почему?

Это расхождение указывает на то, что притянутая за уши ложь всегда оказывается несостоятельной с самого начала.

Кроме того, "в протоколе заявлений" говорится, что "подозреваемые" после прибытия в рангунский порт были встречены сотрудником посольства Северной Кореи в Бирме и скрылись в доме советника этого посольства". (Японская газета "Асахи", 24 ноября 1983 года)

При более детальном рассмотрении этого вопроса можно отметить, что полицейский рангунской бухты, который выступал в качестве "свидетеля" с бирманской стороны, сказал, что "подозреваемые", прибывшие под видом членов экипажа судна "Тонгон", вставшего на якорь в рангунском порту, получили разрешение покинуть судно от правительства Бирмы и высадились в рангунском порту с согласия полиции бухты. (Южнокорейское "Радио № 2", 24 ноября 1983 года)

/...

Из показаний бирманской стороны следует, что "подозреваемые" не проникали в Рангун нелегально, а высадились в нем с судна на законных основаниях. Если это правда, то в связи с этим возникает еще один крупный вопрос.

Каким образом, моряки, высадившиеся на берег по временному разрешению на пребывание в Рангуне, могли не вернуться на борт судна до его отхода?

Кроме того, если члены экипажа, которые временно высадились на берег не возвратились, то каким образом судно "Тонгон" могло покинуть рангунский порт?

Согласно "показаниям" директора "Burma State Harbour Corporation", "владелец судна "Тонгон" подал заявление для получения разрешения на отход судна после завершения его разгрузки 21 сентября и оставался в порту еще в течение трех дней, а затем, 24 сентября, он получил разрешение и покинул порт по расписанию". (Южнокорейское "Радио № 1", 24 ноября 1983 года)

Тот факт, что бирманские власти разрешили судну "Тонгон" покинуть порт, означает, что для этого у судна имелись все юридические основания. Если же моряки, временно высадившиеся на берег, не возвратились, то почему бирманские власти выдали разрешение на отход судна?

Сделали ли они это по "добrote душевной"? Нет!

Один из японских журналов писал, что "Бирма проводит жесткую политику изоляции и ограничивает заход иностранных судов в рангунский порт, при этом оно настолько строго придерживается этого правила, что практически не выдает морякам временных разрешений на высадку, не говоря уже о транзите". (Японский журнал "М-р Денди").

Нам говорят, что судно "Тонгон" покинуло рангунский порт законно, без каких-либо препятствий с бирманской стороны, осуществляющей чрезвычайно строгий контроль. Таким образом, утверждение о том, что оно покинуло рангунский порт, оставив в Рангуне моряков, временно высадившихся на берег, - не что иное, как голословная ложь.

Даже если мы предположим, что это правда, утверждение бирманских властей не выдерживает никакой критики.

/...

Каким образом эти люди, временно высадившиеся на берег после официальной регистрации их бирманскими властями, могли там оставаться в течение двух недель, не возвратиться на корабль и совершить этот ужасный взрыв среди бела дня?

Это значит, что данное преступление было совершено уже после того, как все улики были налицо. Даже в мечтах представить себе такое может лишь глупец.

В-четвертых, хотя у бирманских властей было достаточно возможностей для беспристрастного установления личности "преступников", они сами же отказались их использовать.

Согласно "протоколу заявлений", "подозреваемые", проникшие в Рангун, "скрывались в доме советника посольства Северной Кореи на улице Тангу в Рангуне до 6 октября".

Но и это также абсолютно невозможно.

Японская газета "Токио симбун" сообщила, что "приблизительно за два месяца до приезда Чон Ду Хвана тайная полиция Бирмы установила усиленную слежку за гражданами Северной Кореи" и, соответственно, "посольство Северной Кореи просто не могло спланировать такой инцидент". (Японская газета "Токио симбун", 5 ноября 1983 года)

Сами марионетки Южной Кореи признали:

"По-видимому, посольство Северной Кореи не имело отношения к этому инциденту. Поскольку правительство Бирмы усиленно следило за действиями его сотрудников еще за месяц до приезда Чон Ду Хвана в Бирму, агенты не имели свободы действий". (Южнокорейское "Радио № 1", 12 октября 1983 года)

Если, как утверждают бирманские власти, "подозреваемые" действительно скрывались в доме советника нашего посольства, то у властей было достаточно возможностей непосредственно и в законном порядке указать на этот факт нашему посольству.

Тем не менее, не проявив даже малейшего намерения поступить таким образом, бирманские власти начали с того, что выслали всех сотрудников нашего посольства.

Поскольку бирманские власти не пошли на это, они должны были предоставить нам возможность разъяснить нашу позицию в соответствии с международным правом и международными обычаями.

/...

Согласно одному из сообщений, бирманские судебные органы 25 ноября, перед четвертым слушанием дела, доставили "подозреваемого", который "признал свою вину", в "дом советника посольства Северной Кореи, на место происшествия, для расследования на месте", и "подозреваемый" "подробно описал, какую еду им подавали в этом доме". (Южнокорейское "Радио № 1", 28 ноября 1983 года)

Конечно, нам неизвестно, доставляли ли бирманские власти в действительности "подозреваемого" в дом советника для "расследования на месте".

Однако, даже если это и правда, интересно, почему они не провели "расследования" в то время, когда там еще присутствовали сотрудники нашего посольства, а подняли скандал из-за этого "расследования" и "подтверждения" в пустом доме, после того как они уже были высланы.

Ясность в этот вопрос можно было бы внести лишь в том случае, если бы они доставили туда "подозреваемого", когда там находились бы все сотрудники нашего посольства, и позволили бы ему указать на того "советника".

Организация такой встречи с участием трех сторон является самой элементарной процедурой при расследовании уголовного дела.

Однако бирманские власти сразу же выслали наших дипломатов, не прибегнув к такой элементарной процедуре.

В связи с этим у нас возникают глубокие сомнения относительно их истинного намерения.

Возможно, они не рискнули пойти на это из опасений, что при организации такой встречи трех сторон "подозреваемый" не смог бы опознать того "советника", и это нанесло бы серьезный ущерб сфабрикованной ими версии инцидента.

В-пятых, вызывает сомнение заявление бирманских властей относительно того, что вокруг национального мавзолея, места взрыва, не было охраны до самого начала церемонии.

Согласно "протоколу заявлений", "подозреваемые залезли на крышу мавзолея Аун Сана и заложили в его потолок бомбу в 22 часа 7 октября". И при этом мавзолей не охранялся, а единственный охранник спал в караульной будке". (Японская газета "Иомиури", 24 ноября 1983 года)

/...

Газета "Асахи" сообщила, что "в Рангуне, который всегда находился в состоянии повышенной готовности, еще более была усилена охрана" накануне визита Чон Ду Хвана. (Японская газета "Асахи", 10 октября 1983 года)

Согласно сообщению другого японского журнала, приблизительно за 10 дней до церемонии у национального мавзолея Бирмы было фактически выставлено около 200 охранников марионеточного правительства Южной Кореи. (Японский журнал "Цукуру")

Заявление о том, что национальный мавзолей "был оставлен незащищенным, без какой-либо охраны" накануне церемонии - это ложь, в которую никто не поверит.

Если он был "незащищенным", тогда что же делали в Рангуне сотни охранников южнокорейского марионеточного режима?

Если бирманские власти действительно сами оставили место, где должна была состояться церемония, "незащищенным", не организовав никакой охраны до начала церемонии, то можно считать, что именно Бирма проявила недобросовестность, не приняв элементарной меры национальной безопасности и отступив от обычаев международного этикета.

Все факты указывают на то, что национальный мавзолей, куда должен был прибыть Чон Ду Хван, охранялся самым строжайшим образом.

Если бы "подозреваемые" были направлены нашей Республикой, как это утверждают бирманские власти, то как же эти иностранцы, не знающие ни географии Бирмы, ни ее языка, смогли бы проникнуть в национальный мавзолей и заложить там бомбу.

Западногерманское информационное агентство ДПА указало в сообщении из Рангуна, что "граждане Северной Кореи не могли заложить там бомбу, поскольку мавзолей охранялся круглые сутки". (ДПА, Западная Германия, 10 октября 1983 года)

/...

В издаваемой на английском языке тайландской газете "Нейшнл Ревью" отмечалось, что "поскольку въезд в Бирму очень строго контролируется, группе иностранцев чрезвычайно сложно попасть в страну и осуществить подобную операцию". (АП, Бангкок, 11 октября 1983 года)

Само собой разумеется, что никто не мог бы попасть туда не имея секретной связи с охранниками марионеточной клики Чон Ду Хвана, которые были направлены на место заранее или вместе с бирманскими сотрудниками охраны.

В одном из японских журналов указывалось:

"В Бирме за иностранцами, идущими по улицам, по пятам обязательно следуют сотрудники разведки, и если иностранец сворачивает в переулок, он попадает под подозрение. Сложно даже отправиться за покупками, поскольку граждане осведомляют об этом властей. Если кому-то удалось проскользнуть в мавзолей Аун Сана и при этом пронести бомбу, взрывное устройство и тому подобное, то у него должно было быть много сообщников, приближенных к бирманскому правительству". (Японский журнал "Мюр Дэнди")

В этой связи уместно упомянуть следующее сообщение, появившееся в "Джапаниз Дзидзи пресс" 9 ноября:

"Под покровом темноты преступники посетили дом сторожа мавзоля Аун Сана и сообщили ему, что они являются охранниками Чон Ду Хвана.

Они передали ему 10 000 кьят в бирманской валюте, что соответствует 1 млн. вон, и взяли у него лестницу и установили бомбу на крыше мавзоля". ("Джапаниз Дзидзи пресс", 9 ноября 1983 года)

10 ноября это сообщение "Джапаниз Дзидзи пресс" было опубликовано в южнокорейской газете "Чосон Ильбо".

Это говорит о том, что установка бомбы в национальном мавзолее в Рангуне могла быть делом рук только самой клики Чон Ду Хвана.

"Протокол заявлений", опубликованный бирманскими властями и "показания" бирманских "свидетелей", подтверждающие эти заявления, вызывают серьезные сомнения. Вкратце, основной вопрос заключается в том, почему бирманским властям не удалось представить на "процессе" ни одного достаточно веского юридического и вещественного доказательства для подтверждения основного положения, заключающегося в том, что "подозреваемые" были "агентами", посланными нашей Республикой.

/...

"Вещественные доказательства", представленные бирманскими властями, включают "неразорвавшуюся зажигательную бомбу", оставленную на месте преступления, "переносной электрический фонарь японского производства", "браунинг бельгийского производства" и "автоматическая ручка как орудие убийства", которые якобы имели при себе "подозреваемые" в момент ареста.

Каким образом эти предметы, которые можно встретить в любой части земного шара, могут "доказать", что "подозреваемые" были посланы нашей Республикой?

Даже в американской газете "Нью-Йорк таймс" указывалось, что непонятно, почему эти предметы обязательно связаны с Северной Кореей. (Американская газета "Нью-Йорк таймс", 14 октября 1983 года)

В японской газете "Токио таймс" в статье, озаглавленной "Взрыв бомбы в Рангуне. Три нераскрытые тайны", указывалось:

"В связи с этим инцидентом возникает целый ряд вопросов, например, "каким образом преступникам удалось попасть на место преступления в государстве, в котором введено военное положение", а также такой простой вопрос, как "действительно ли Северная Корея совершила такое преступление, которое ополчило бы против нее весь мир"? Каким образом преступник может попасть на место преступления и установить бомбу в условиях системы военного положения, введенной бирманскими и южнокорейскими сторонами? Это является самой непостижимой загадкой, поскольку число только одних южнокорейских охранников составило 300 человек, службы охраны были заранее приведены в состояние повышенной готовности и за посольством Северной Кореи бирманские власти установили наблюдение еще за два месяца до инцидента".

Как указывалось в этой газете, один японский комментатор заявил:

"Я внимательно изучил обвинительный акт по делу о взрыве в Рангуне. Однако его содержание настолько слабое, что не выдерживает никакой критики. Такие материалы не дают ответа на вопросы". (Японская газета "Токио таймс", 25 ноября 1983 года)

Беспристрастная общественность всего мира в настоящее время испытывает единодушное подозрение по поводу "процесса", сфабрикованного бирманскими властями, и с насмешкой и презрением относится к этому плохо организованному "шоу".

Этот "процесс" четко показал одно: Корейская Народно-Демократическая Республика не имеет никакого отношения к взрыву в Рангуне.

/...

2. Кто же настоящий преступник?

В таком случае кто же подлинный виновник взрыва бомбы в Рангуне? Это не кто иной, как сам изменник Чон Ду Хван.

Мы можем доказать это путем логических умозаключений и рассмотрения фактов.

Вскоре после взрыва бомбы в Рангуне в зарубежной печати появились предположения, что этот взрыв мог быть представлением, организованным по сценарию самого Чон Ду Хвана.

Агентство ТАНЮГ указало, что "в Токио считают, что Чон Ду Хван отнюдь не случайно "по счастливому стечению обстоятельств с опозданием прибыл" на место трагического происшествия, и не исключают возможность того, что диктатор Южной Кореи замешан во взрыве бомбы, в результате которого погибли члены кабинета министров Южной Кореи". (Югославское информационное агентство ТАНЮГ, Токио, 14 октября 1983 года)

Японская газета "Сякай Симпо" в статье, озаглавленной "Террористический акт и убийства, осуществленные военным режимом", указывала:

"Реакция Чон Ду Хвана, который тут же приписал эту террористическую акцию Северной Корее, свидетельствует о том, что он намерен использовать этот инцидент в качестве инструмента для наведения порядка в Южной Корее". (Японская газета "Сякай Симпо", 14 октября 1983 года)

Прежде всего следует задать вопрос, каким образом только изменник Чон Ду Хван выжил в результате взрыва бомбы в Рангуне, в то время как все члены его свиты погибли.

В этой связи 14 октября сам Чон Ду Хван заявил следующее, возбуждая антикоммунистический психоз у представителей контролируемых правительством политических партий, включая "Демократическую партию справедливости":

"Мой первоначальный план заключался в том, чтобы посетить мавзолей Аун Сана со всей моей свитой прямо по пути из рангунского аэропорта 8 октября. Однако я распорядился перенести эту поездку на следующий день.

/...

Как оказалось, благодаря этому мне удалось избежать несчастного случая". (Южнокорейское "Радио Сеул", 14 октября 1983 года)

В таком случае, почему Чон Ду Хван изменил по своему желанию дату посещения мавлозея, согласованную им с бирманскими властями, и перенес это посещение на следующий день?

Врыв бомбы произошел утром 9 октября. Если бы Чон Ду Хван посетил мавзолей 8 октября, как это планировалось, без изменения даты, все остались бы живы. Однако он своевременно изменил дату, но сам не прибыл на место в тот момент, когда произошел взрыв. Что же из этого следует?

Из этого следует то, что он подставил под смертельный удар своих помощников, а сам избежал смерти.

"Радио Сеул" в то время сообщило следующее:

"Перед приездом Чон Ду Хвана члены официальной и неофициальной свиты были построены в мавзолее Аун Сана.

В 10 ч. 25 м. утра непосредственно перед взрывом бомбы на своей машине с флагом в сопровождении мотоциклистов на место прибыл наш посол в Бирме, для того чтобы присоединиться к уже находившимся там членам свиты. Минутой позже прозвучал сигнал к началу церемонии почтения памяти усопшего и произошел взрыв бомбы". (Южнокорейское "Радио Сеул", 10 октября 1983 года)

Позднее было установлено, что изменник Чон Ду Хван находился на расстоянии 1,5 км от места происшествия, после того как он выехал на автомашине из своей резиденции, расположенной на расстоянии 4,8 км от места взрыва. Это произошло отнюдь не благодаря счастливому стечению обстоятельств.

Вопрос заключается в том, почему он направил туда членов своей свиты заранее в нарушение дипломатического обычая и выехал из дома один.

Как сообщалось, "представитель" Чон Ду Хвана утверждал, что диктатор якобы задержался из-за дорожной "пробки".

Даже хотя он является марионеточным президентом, который гроша ломанного не стоит, он был приглашен бирманскими властями в качестве "государственного гостя".

Поэтому просто невероятно, что он не смог прибыть вовремя на место из-за того, что он в одиночестве попал в городе в дорожную "пробку".

/...

Неужели самому Чон Ду Хвану не была предоставлена даже полицейская машина, которой было бы поручено регулировать движение, в то время как марионеточный посол в Бирме, который выехал за несколько минут до него, прибыл в сопровождении эскорта? Довольно глупо объяснять его опоздание дорожной "пробкой".

Что касается опоздания Чон Ду Хвана, то бирманское правительство дважды или трижды изменяло свои заявления, указав, что он "опоздал", поскольку он с опозданием встретился с министром иностранных дел Бирмы, и затем заявив, что это соответствует "обычаям южнокорейской стороны". Это доказывает, что их заявления являются весьма противоречивыми.

Чон Ду Хван не прибыл на место взрыва вовремя, поскольку он знал о том, что там произойдет взрыв.

"Сигнал к началу церемонии почтения памяти усопшего", который должен был прозвучать после приезда Чон Ду Хвана на кладбище, прозвучал до его приезда, и взрыв бомбы произошел одновременно со звуком сигнала. Этот факт также доказывает, что происшедший инцидент был организован по сценарию Чон Ду Хвана.

Согласно сообщению южнокорейской газеты "Чонган ильбо", "сигнал к началу церемонии почтения памяти усопшего" прозвучал до приезда Чон Ду Хвана, поскольку "один южнокорейский охранник обратился с просьбой к бирманской стороне дать этот сигнал".

Таким образом "сигнал", который должен был прозвучать после приезда Чон Ду Хвана, прозвучал заранее "по просьбе южнокорейского охранника", и в этот же момент произошел взрыв бомбы, и только одному Чон Ду Хвану удалось избежать смерти. Разве это не является убийством, организованным по приказанию самого изменника Чон Ду Хвана?

Зарубежные средства массовой информации также обратили внимание на следующие моменты:

"До сих пор не дано никаких объяснений по поводу того, почему посол Южной Кореи в Бирме, который выполнял функции местного проводника, прибыл после построения заместителя премьер-министра и всех других членов свиты, занимающих по отношению к нему более высокое положение. Не играл ли вначале посол Южной Кореи роль "козла отпущения", для того чтобы предотвратить возможное нападение на Чон Ду Хвана? (Японский журнал "М-р Денди").

По нашему мнению, это является весьма верным предположением.

/...

То, что Чон Ду Хван заранее знал о взрыве, довольно хорошо иллюстрирует тот факт, что в тот момент, когда прозвучал взрыв, он развернулся и поехал назад от места происшествия.

В этой связи АП указало, что нет никаких свидетельств того, что Чон Ду Хван прибыл на место происшествия после взрыва бомбы. Он тут же изменил маршрут и поехал назад. Откуда Чон Ду Хван мог знать, что взрыв произошел именно в национальном мавзолее и почему он тут же повернул обратно?

Даже если он и услышал взрыв бомбы, то он, как и другие, должен был прибыть в национальный мавзолей, как это было условлено, раз он не знал, что это был за взрыв.

Однако он повернул обратно, как только прозвучал взрыв, как будто бы он ожидал этого взрыва, поскольку знал, где произошел этот взрыв.

То, что взрыв бомбы в Рангуне был организован самой кликой Чон Ду Хвана, было полностью подтверждено коренной "перетасовкой кабинета", осуществленной 14 октября для того, чтобы призвать кабинет к ответу за происшедший инцидент.

В ходе этой "перетасовки кабинета" Чон Ду Хван уволил многих своих вассалов, включая марионеточного премьер-министра. Однако он оставил на прежней должности "директора Совета по планированию безопасности" и "главного секретаря охраны Чонгвадае", на которых, как это представляется, более чем на ком бы то ни было лежит ответственность за происшедший инцидент, заявив, что "они не виноваты".

Как указывалось выше, согласно "протоколу заявлений" бирманских властей", мавзолее Ауц Сана находился без охраны", когда "подозреваемые" установили в нем бомбу. В таком случае, что означает его высказывание о том, что "директор Совета по планированию безопасности" и "главный секретарь охраны Чонгвадае" не виноваты в происшедшем инциденте?

Это наводит на мысль о том, что изменнику Чон Ду Хвану не нужно было привлекать их к ответу, поскольку он организовал взрыв в Рангуне в сговоре с ними.

Все эти факты неоспоримо доказывают, что взрыв в Рангуне является подлым и злодейским убийством, организованным и совершенным самим изменником Чон Ду Хваном.

Это еще раз четко показывает, что изменник Чон Ду Хван, тот самый, кто устроил массовую резню тысяч беззащитных людей в Квандису, является безжалостным убийцей и мясником, который не колеблясь, поочередно уничтожил весь свой "кабинет министров" для достижения своих коварных политических целей. /...

Шведская газета "Гнистан" в статье, озаглавленной "Южная Корея уничтожает "кабинет министров" в результате взрыва", указывала:

"Как сообщалось, мавзолей охраняли сотни солдат охраны. Даже дата визита была изменена по соображениям безопасности.

Однако, каким образом лишь один Чон Ду Хван задержался из-за дорожной "пробки"?

Становится очевидным, что инцидент в Рангуне является трагическим представлением, поставленным по сценарию самого Чон Ду Хвана". (Шведская газета "Гнистан", 10 ноября 1983 года)

Бангладешская газета "Найа Джуг" в статье под заголовком "Под завесой взрыва бомбы в Рангуне" писала, что "взрыв в Рангуне является трагическим представлением, организованным самим южнокорейским диктатором для того, чтобы отвлечь от себя внимание международной общественности". (Бангладешская газета "Найа Джуг", 23 октября 1983 года)

Министерство иностранных дел КНДР 5 ноября изложила свою позицию в следующем заявлении:

"Изменник Чон Ду Хван не случайно организовал это "шоу".

В настоящее время в Южной Корее с каждым днем ширится фронт антиамериканской борьбы за независимость и антифашистской борьбы за демократию, ведущейся патриотическим народом и студентами, и изменник Чон Ду Хван, подлый двуликий ставленник Соединенных Штатов и Японии, сталкивается с серьезными трудностями внутри страны и за рубежом. Для того чтобы вывести себя из этого тупика, изменнику Чон Ду Хвану и понадобилось организовать это кровавое представление".

Как только произошел взрыв бомбы, изменник Чон Ду Хван, не имея достаточных сведений, организовал оголтелую антикоммунистическую кампанию, направленную против КНДР, издав "чрезвычайный приказ о тревоге" по всей территории Южной Кореи, и привел всю страну в состояние полной боевой готовности, в небывалых масштабах активизировал фашистское подавление южнокорейского народа и предельно обострил обстановку на Корейском полуострове, доведя ее до грани войны.

В одном из японских журналов в этой связи указывалось:

"Почему южнокорейский режим сразу же пришел к выводу, что эта акция - "дело рук Северной Кореи", на той стадии, когда убедительные доказательства этого еще не были получены? Это породило у людей в стране и за рубежом подозрение, что данная акция была организована

/...

самой Южной Кореей, поскольку они стали задаваться вопросом о том, "почему южнокорейцы настаивают, что это дело рук севера, в то время как какие-либо доказательства этого отсутствуют?" (Японский журнал "М-р Денди")

Изменник Чон Ду Хван организовал взрыв в Рангуне также и для того, чтобы преподнести "ценный подарок" Рейгану в ходе его южнокорейского визита.

/...

3. "Политическая сделка"

Несмотря на то, что истинные причины взрыва бомбы в Рангуне таким образом становятся очевидными, бирманские власти в одностороннем порядке предприняли поспешный шаг, объявив, что они разрывают дипломатические отношения с нашей страной, в отсутствие каких-либо юридических и вещественных доказательств и прежде чем было проведено конкретное расследование подоплеку этого инцидента. Затем они организовали "процесс" над "подозреваемыми" и подняли вокруг него излишнюю шумиху, которую никто не может расценить как нормальное явление.

Вопрос состоит в том, почему они так поступили.

Когда произошел взрыв бомбы в Рангуне, широкие слои общественности всего мира высказали серьезные сомнения по поводу возможности того, что это было подстроено нашей Республикой, заявив, что этот трагический инцидент мог быть организован самим изменником Чон Ду Хваном, что он мог быть организован южнокорейскими диссидентами и мог быть осуществлен группой бирманских диссидентов.

Когда бирманские власти объявили о том, что 10 и 12 октября они арестовали двух корейцев, которых они рассматривают как "подозреваемых", мировая общественность обратила на это серьезное внимание.

25 октября один "подозреваемый" показал, что он "родился в Сеуле, Южная Корея". Это полностью разоблачило происки южнокорейских марионеток, объявивших, что "подозреваемые" - граждане Северной Кореи.

Совершенно запутавшись, южнокорейские марионетки предприняли лихорадочные усилия с целью оказать давление на бирманские власти, с тем чтобы те возложили вину за взрыв бомбы на нашу Республику, и в то же самое время принялись открыто упрашивать своих империалистических американских и японских хозяев усилить давление на бирманские власти.

В этой связи один японский комментатор отметил:

"Заявление бирманского правительства было сделано 4 ноября, а еще раньше 3 ноября газета "Тонга Ильбо" передала сообщение агентства "Йонхап Тонгсин" из Рангуна, которое является единственным информационным агентством Южной Кореи.

Читая статью, я подумал, что это может быть ключом к инциденту.

/...

Эта статья, в частности, гласит:

1. Бирманское правительство не располагает достаточными данными для того, чтобы сделать окончательный вывод.

2. Однако расследование данного дела нельзя откладывать на неопределенный период времени.

Указывается, что если Бирма откажется разорвать дипломатические отношения северной Кореей, Южная Корея окажет на нее давление, пригрозив, что в этом случае она сама разорвет дипломатические отношения с Бирмой.

Таким образом Бирме пришлось выбирать одно из двух.

Другими словами, заявление бирманского правительства является результатом политической сделки и не соответствует действительности".

Задаваясь вопросом о том, почему Бирма пошла на такую политическую сделку, автор статьи продолжает:

"Бирма, которая сталкивается с серьезными экономическими трудностями, предпочла Южную Корею, поддерживаемую Соединенными Штатами и Японией, взвесив свой выбор между Севером и Югом.

Бирма приносит свою политику нейтралитета в угоду Западу в период, когда ее экономика характеризуется наибольшей после 1975 года внешней задолженностью". (Японская газета "Токио Таймс", 25 ноября 1983 года)

В американской газете "Вашингтон Пост" в статье, озаглавленной "Сеул оказывает давление на Рангун", после взрыва в Рангуне указывалось, что "нетерпеливые южнокорейские чиновники в Бирме продолжают настаивать на своих обвинениях в адрес Северной Кореи в попытке оказать давление на бирманское правительство". (Американская газета "Вашингтон Пост", 16 октября 1983 года)

В день взрыва в Рангуне Рейган заявил, что "Соединенные Штаты сделают все возможное", утверждая, что "вполне возможно, что Север замешан во взрыве в Бирме".

Японский премьер-министр Накасонэ заявил, что он "предоставит Южной Корее любую необходимую помощь", отметив, что "этот инцидент был организован или спровоцирован Севером". (Южнокорейское "Радио № 1", 10 октября 1983 года)

/...

Когда Бирма пошла на неоправданный шаг, разорвав дипломатические отношения с нашей Республикой, японское правительство пообещало предоставить ей продовольствие и беспроцентные займы в виде чрезвычайной экономической помощи в дополнение к займу на сумму 187 млн. долларов. (Японское "Радио "NHK", 1 ноября 1983 года)

Южнокорейское радио сообщило по этому поводу следующее:

"Японское правительство приняло решение оказать бирманскому правительству чрезвычайную экономическую помощь. Как известно, Япония предоставляет Бирме помощь в виде продовольствия и беспроцентных займов.

Этот план японского правительства, как представляется, направлен на оказание помощи по разрешению экономических трудностей, которые связаны, в частности, с прекращением строительства цементного завода в Бирме, осуществлявшегося при помощи Северной Кореи, и на сближение Японии с Бирмой с дипломатической точки зрения.

По имеющимся данным, размер предоставленных Японией на настоящий момент займов Бирме составляет сумму порядка 1 млрд. долларов". (Южнокорейское "Радио № 1", 6 ноября 1983 года)

6 декабря японское правительство в качестве первого шага провело в Рангуне обмен нотами с бирманским правительством в связи с предоставлением Бирме "беспроцентных займов" на сумму 3 354 млн. иен (14,34 млн. долларов). ("Джапаниз Дзидзи пресс", Токио, 6 декабря 1983 года)

Короче говоря, бирманские власти сфабриковали по заранее условленному сценарию надуманные "результаты расследования", утверждая, что взрыв в Рангуне - "дело рук Северной Кореи", в соответствии со своей политической сделкой" с Соединенными Штатами, Японией и южнокорейскими марионетками, и организовали "процесс" для "подтверждения" этих результатов.

Однако истину не скроешь.

Со временем подлые намерения организаторов взрыва в Рангуне будут разоблачены.

Даже материалы "процесса", опубликованные бирманскими властями, если отвести их субъективную направленность, еще раз четко продемонстрировали всему миру невинность Корейской Народно-Демократической Республики.

/...

И, наоборот, бирманские власти сами запятнали себя тем, что они пляшут под дудку южнокорейского марионеточного режима, двуликого ставленника американских империалистов и японских реакционеров, и в течение долгого времени будут страдать от его пагубного влияния.
